

Запретная филология

«Лента.ру» разобралась в происхождении русского мата.

19 марта 2013 года Госдума ввела запрет на матерные слова в СМИ, а 27 марта Совет Федерации утвердил соответствующий закон. Помимо того факта, что новые нормы дублируют уже существующие, в законе отсутствует четкое определение таких понятий, как «нецензурная брань» и прочие.

В связи с этим «Лента.ру» побеседовала с доктором филологических наук, ведущим научным сотрудником Института мировой культуры МГУ имени Ломоносова Игорем Пильщиковым, который ответил на вопросы о том, что такое матерщина, откуда она пошла, и как со временем менялось отношение к ней на территории Российской империи и Советского Союза.

Внимание! В тексте интервью встречается ненормативная лексика!

«Лента.ру»: Расскажите об истории происхождения матерщины. Какие на этот счет сейчас существуют теории, есть ли какие-то общепринятые или, может быть, наоборот, маргинальные?

Тут сразу нужно разграничить два аспекта — этимология и история слов. Этимология изучает происхождение слова либо из общего праязыкового фонда (например, индоевропейского для индоевропейских языков), либо, в случае заимствования, сам момент заимствования, перехода слова из одного языка в другой. Рассуждения об этимологии — это почти всегда (за исключением, конечно, заимствований, которые происходили в этом и прошлом веке) реконструкция. История слова — это то, что происходит со словом, когда оно уже попало в язык (некоторые лингвисты и недавние заимствования относят не к собственно этимологии, а к истории слов). Эта история может быть довольно сложной: слово может переосмысливаться, могут меняться значение, фонетическая форма, стилистическая принадлежность.

Давайте тогда сперва поговорим про историю obscene лексик, а потом уже про этимологию.

Давайте. В этой области в течение последних нескольких веков происходило много интересного. Начнем с того, что сейчас ведутся разговоры о возможном запрете некоторых выражений в тех или иных социокультурных ситуациях. При этом до сих пор остается открытым вопрос: а какая, собственно, лексика является obscene? Получается какой-то абсурд — принимается закон, в котором, по идее, должен быть приведен список слов и корней, запрещенных к публичному употреблению. Такой закон будет как минимум нарушать сам себя.

Да и сам по себе список не столь однозначен, как кажется. В каждый отдельный период существования языка

Знаком * принято обозначать формы праславянского и более раннего периода, которые в силу их древности не зафиксированы в памятниках письменности и представляют собой результат реконструкции.

обсценный пул состоит из определенного набора корней, но со временем этот пул меняется. Какие-то слова вместе со словами-дериватами (то есть словами, образованными с помощью этого же корня) и связанной с ними фразеологией в этот пул входят, а другие, наоборот, выпадают, становятся менее активными. Самая яркая и довольно хорошо документированная история — это история со словом *блядь*. По состоянию на XVI-XVII века это было слово литературного языка, высокое.

Этимология слова *блядь* совершенно прозрачна: слово, в котором отразилась другая ступень чередования корневого гласного, — это слово *блуд*, которое есть и в русском, и в старославянском.

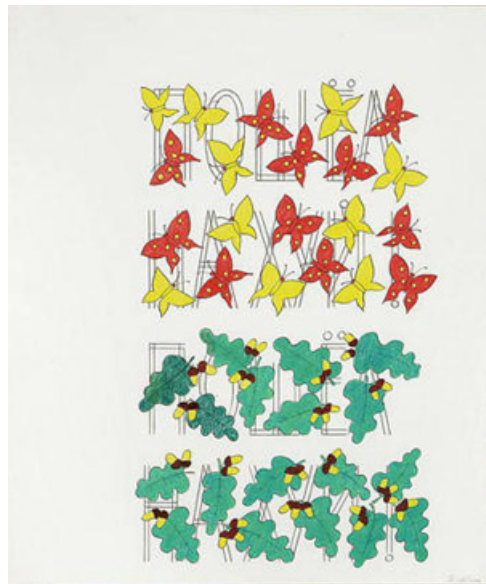
Чередование выглядит следующим образом: **blondъ* (с *o* носовым) — *блудъ*, **blendъ* (с *e* носовым) — *блядь*; с этим же корнем — слова «блудить», «блуждать» и «заблуждаться». Первое значение — это «ошибка»: пойти не туда (блудить, заблудиться), сделать неверное умозаключение (заблуждаться). Второе значение, которое фиксируется и в старославянском языке, и в древнерусском, — это «прелюбодеяние».

Примерно до 30-х годов XVIII века слово *блядь* — первоначально в значении «ложь» — еще находится в рамках литературного языка. Но и позже, вплоть до, как минимум, второй трети XIX века это слово не является таким же грубым словом, как и другие матерные слова. Затем оно начинает литературный язык покидать. Сначала оно попадает в вульгарные, и доминирующим его значением становится «распутная или продажная женщина». И в середине XIX века оно уходит за границы просто вульгарной лексики, низкого просторечия — в область обсценной лексики. Чтобы было понятно: есть просторечие, есть грубое просторечие, вульгарная лексика (то, что в приличном обществе, вообще говоря, не употребишь, но в определенных контекстах можно); а обсценная лексика — табуированная, запрещенная, ее как бы никогда употреблять нельзя (хотя на самом деле в особых социокультурных ситуациях все же допустимо).

Динамика этого процесса хорошо видна по тому, как слово фиксируется в словарях. Если мы откроем, например, русско-французский этимологический словарь Рейфа, современника Пушкина, вышедший в 1835 году, вот там слово *блядь* и его дериваты еще представлены. То есть оно считается грубым и просторечным, но не обсценным, — что-то на уровне слова *жопа*. Обсценных слов — например, *хуй*, *пизда* — у Рейфа уже нет. С другой стороны, если мы возьмем, например, русско-немецко-французский словарь Нордстета 1781-1782 годов, то туда включены все матерные слова, то есть для Нордстета еще возможна такая тезаурусная фиксация русского языка, где все матерные слова включаются наряду со словами грубо-просторечными, без разделения, о котором я говорил выше.

А как вообще к мату относились в прошлом? Скажем, во времена того же Пушкина? Где употребляли матерные слова?

Ну, скажем, Пушкин в общении с Вяземским или Соболевским легко употреблял мат. А в общении с женой он мата не употребляет, притом что у него была очень интересная стилистическая установка на низкую лексику. Пушкин будущей жене, когда она еще была невестой, писал по-французски, а после свадьбы перешел исключительно на русский и писал очень грубым просторечным языком, — *жонка*, *брюха та*, — намеренно употребляя сниженную, просторечную лексику.

Картина Ильи Кабакова «Пошел нах**!»

Но мат он в письмах жене не употребляет, потому что мат в пушкинскую эпоху ограничен, так сказать, маскулинно-маскулинным общением, так же как курение в это время ограничено мужским общением: мужчины уединяются в курительную комнату, там курят и, кстати, могут употреблять эту самую матерную лексику. Это с одной стороны. С другой стороны, в это время есть obscene литература — Барков и авторы «Девичьей игрушки», вся эта пародийная по своему происхождению поэзия XVIII века, которая носит не порнографический, не эротический характер, а характер грубо-шутливый, то есть она пародирует высокую литературу средствами obscene лексики. И вот интересно, что в XVIII веке и в начале XIX века, еще для Пушкина и его круга, эта непечатная литература не является этически и эстетически неприемлемой, она не оскорбляет их вкуса. Пушкин ведь говорил младшему Вяземскому, что Барков будет первым автором, которого опубликуют, когда в России не будет цензуры.

То есть у мата была сфера бытового употребления (общение между мужчинами) и была сфера литературного употребления (непечатная, письменная, неофициальная литература). А что происходит дальше? Дальше происходит все большее и большее табуирование мата, он уходит из приемлемых форм литературы в литературу уже совсем низовую, которая перестает быть литературой как таковой. Это, видимо, происходит уже к началу XX века. А после революции и Второй мировой, когда в географическом и социальном пространстве смешались разные классы, — все сидели, всех выпустили, все живут рядом, и инженеры и шпана, — происходит утрата функциональной дифференциации мата.

А что мы имеем сейчас?

Сегодня ситуация такова: могут материться и женщины в присутствии мужчин, и мужчины в присутствии женщин, и женщины в присутствии друг друга, то есть сложилась ситуация, совершенно не представимая, скажем, в пушкинскую эпоху. С другой стороны, мат проникает и в литературу, в том числе и в настоящую литературу (произведения Алешковского, наверное, самый яркий пример, но, скажем, эвфемистическое присутствие мата — в формах типа *фуй* — есть, как известно, и у Солженицына). То есть в неподцензурной литературе и отчасти в подцензурной мат есть. А после развала Советского Союза печатаются Барков, пушкинская «Тень Баркова» и так далее.

И вот на фоне этой динамики сейчас наблюдается откат, причем совершенно неестественный. Культура — это набор дифференциаций, набор предписанных функций, которыми нужно владеть, которые можно использовать в своих целях. Почему нужно есть вилкой и ножом, хотя вам, может быть, было бы удобнее лакать? Ну вот потому, что так устроена культура. Кто умеет есть вилкой и ножом, того принимают в хорошем обществе, а кто умеет только лакать из лоханки, того не принимают в хорошем обществе — никакой другой «обязаловки» здесь нет.

И у нас проблема в том, что почти никто уже, так сказать, не умеет есть ножом и вилкой, а, грубо говоря, только лакают из лоханки. Мужики матерятся при бабах, бабы — при мужиках, по-настоящему красиво

материться, чтоб дух захватывало, никто уже не умеет... А тут нам говорят, что, пожалуйста, в быту выражайтесь как хотите, а вот в литературе, в том числе и в журнальной, то есть повседневной литературе, которая находится между искусством и бытом, мы этого не разрешим. И какой смысл во всем этом?

Давайте теперь поговорим про этимологию самых популярных матерных слов — хуй, пизда, еба ться.

Относительно этих слов существует популярное заблуждение — якобы они заимствованы из тюркских языков. Это заблуждение довольно часто используется противниками употребления матерной лексики: мол, не только гнусно, но еще и засорение исконно-посконного, «великого и могучего».

Все эти слова, однако, наши, родные. Об этом можно узнать, например, из этимологического словаря Макса Фасмера, который вышел в 1950-е годы в Германии, где *хуй*, *пизда*, *еба ться* удостоились отдельных статей. Правда, в русском издании словаря, вышедшем с прекрасными дополнениями и поправками Олега Николаевича Трубачева, все эти слова отсутствуют: в советской печати, даже научной, мат был ханжески запрещен. При этом слово *блядь* отсутствует как бы наполовину: сама вокабула *блядь* изъята, а в соседней вокабуле *блуд* эта *блядь* осталась в качестве родственного слова.

В словаре Даля матерных слов не было, но когда в начале XX века этот словарь вышел третьим изданием под редакцией великого польско-русского лингвиста Бодуэна-де-Куртенэ, то в этом издании Бодуэн восстановил матерные слова в редакторских скобках. Сейчас в магазинах продаются репринтные издания словаря Даля, сделанные и со второго, «безматерного», и с третьего, «матерного».

Акция движения «Э.Т.И.» на Красной площади, 1991 год

Есть еще хороший словарь — ЭССЯ (Этимологический словарь славянских языков под редакцией того же Трубачева), из которого читатель может узнать общепринятую, абсолютно надежную этимологию слова *хуй*: ближайший родственник *хуя*, также связанный с ним закономерным фонетическим и морфологическим чередованием — это *хвоя* (общее значение у них, видимо, «шип, колючка»). Корень это, несомненно, общеславянский. Единственный вопрос: является ли этот корень общеиндоевропейским, но на него я, не будучи профессиональным индоевропеистом, отвечать не берусь.

В будущих выпусках ЭССЯ будут представлены и гипотезы о происхождении слова *пизда*; оно тоже, несомненно, общеславянское. До буквы П ЭССЯ еще не дошел, но на это слово есть отсылка в статье о слове *гнездо* (там принята этимология, которая связывает это слово с корнем со значением сидеть; но это уже спорные детали). Кстати, на основе того же ЭССЯ и Фасмера составлены грамотные статьи про *хуй*, *еба ть* и *пизду* в Вики-словаре.

Что касается глагола *еба ть*, то это тоже общеевропейский корень, но с базовым обценным значением, который, в принципе, всегда обозначал то, что и сейчас обозначает. В русском языке у него есть стяженная форма инфинитива *ети* (с ударением на последнем слоге). Последний был доминирующей формой в русском языке XVIII—XIX века, а инфинитив *еба ть* был более периферийным (этот вопрос требует дополнительного изучения). Активной эта форма вновь стала только в XX веке, а форма *ети*, наоборот, постепенно ушла из языка. Теперь многие люди не понимают, что это инфинитив соответствующего глагола и что *ети(ть) твою ма ть* вовсе не более мягкое и приемлемое выражение по сравнению со своим нестяженным аналогом. В

прошедшем времени форма *ѣб* заменяется на более регулярную с точки зрения современного языка форму *ебал*, а форма *ети* — на более регулярную форму *еба ть*. Интересно, что у *ети* была девокализованная форма — *еть*. А сейчас люди, когда не могут образовать императивезжай от глагола *еха ть*, часто говорят *едь* (звучит как *еть*). И современный носитель языка не понимает, что это *едь* омофонично глаголу *еть*, то есть *еба ть*.

Существуют и другие формы, а также матерные корни и слова, которые стали менее употребительны и даже практически выпали из словаря. Это, во-первых, *елда* и *елдак* — обозначение пениса, и во-вторых, это *муде* (тестикулы) и его дериваты типа *мудак*. То есть слово *мудак* «более» матерное, чем слово *блядь*, чего нынешний носитель языка, по-моему, не понимает.

Во многих языках есть особая форма двойственного числа, которая употребляется для обозначения двух предметов и противопоставлена формам единственного и множественного чисел. В русском языке категория двойственного числа постепенно утратилась: вместо противопоставления «один — два — больше двух» мы получили противопоставление «единственное — неединственное». При этом некоторые формы двойственного числа до сих пор сохраняются в современном языке в качестве реликтовых — речь идет о тех существительных, которые обозначали парные предметы и в связи с этим обычно употреблялись в форме двойственного числа (а не множественного, как все остальные): *рога*, *берега*, *бока*, *плечи*, *глаза* и тому подобные.

У слова *муде* единственное число — *мудо*, а множественное и двойственное число, соответственно, *муда* и *муде*. По всей вероятности, *мудо* (из **mondo*, с *o* носовым) родственно слову *манда*, которое является словом женского рода с тем же корнем и обозначает женский половой орган. Все эти слова относятся к общеиндоевропейскому языковому фонду.

Могу еще одну короткую историю рассказать, связанную с грубо просторечными словами, не матерными, которая показывает, как функционируют эти социокультурные механизмы и насколько они на самом деле не связаны с реальным происхождением слов, с их этимологией.

Да, давайте.

Это история с детскими глаголами *кака ть* и *писа ть*, которые приемлемы в детской речи и, в общем, допустимы и во всяком другом употреблении. В отличие от них глаголы *сса ть* (*сца ть*) и *сра ть* — грубое просторечие, вульгарное, оно изгнано из литературного языка. Между тем этимология у *сца ть* и *сра ть* совершенно невинная. У *сца ть* другая ступень чередования корневого гласного отражена в слове *сок*, а у *сра ть* другая ступень чередования отражена в слове *сор*, то есть это слова, которые родственные словам *сок* и *сор*.

А слова *кака ть* и *писа ть* произошли похожим образом и в русский язык были заимствованы из французского. Глагол *casare* фиксируется уже в латинском языке классического периода, родственное ему греческое слово — это *κακα*, «плохой», и *кака ть* — это, собственно, значит *гадить*. Но в латинском языке *casare* было очень грубым словом, на письме его избегали даже авторы, не брезговавшие крепким словом. Вероятно, так же обстояло дело со словом звукоподражательного происхождения **pisare*, которое в письменной латыни не зафиксировано, но отразилось во всех романских языках. И оно как достаточно грубое слово продолжает жить в языках-потомках и в языках, заимствовавших это слово у языков-потомков. В современном английском *piss* — это тоже довольно грубый глагол, хотя, конечно не такой грубый, как *fuck*. А в русском языке, видимо, через гувернерский французский галлицизмы *кака ть* и *писа ть* стали эвфемизмами грубой просторечной лексики, стали словами детского

языка, хотя с точки зрения этимологии эти глаголы ничем не лучше глаголов *сса ть* и *сра ть*.

Скажите, а какие основные методы используются для восстановления этимологии всех этих слов — письменные источники?

Это общий вопрос к исторической лингвистике, и эти слова ничем не отличаются от других слов. Когда у нас есть группа родственных языков (скажем, славянские языки), мы в общем случае предполагаем, что (рассказываю, все упрощая, чтобы было сразу понятно) формы, которые близки в разных языках, отражают некоторую общую праформу (их инвариант). Реальная история, конечно, гораздо сложнее и «извилистее». Но базовый принцип исторической грамматики такой — у нас есть дерево языков, где для родственных языков постулируется язык-родитель, и мы предполагаем, что в таком вот чистом, дистиллированном случае, когда

нет каких-то дополнительных возмущающих воздействий, те вариации, которые мы наблюдаем в современных родственных языках, отражают некоторый, когда-то существовавший инвариант.

Ну, например, если есть слово *лес* в русском языке и слово *ліс* с тем же значением в украинском, слово *бес* в русском языке и слово *біс* с тем же значением в украинском. Мы делаем вывод, что русское «е» и украинское «і» происходят из общего источника, что был какой-то общий звук, который на следующем этапе дал в украинском «і», а в русском «е». Действительно, этот звук обозначался буквой «ять», и эта буква «ять» продолжала существовать в русской орфографии уже после того, как ее произношение перестало отличаться от звука, который обозначался буквой «е» (она называлась «есть»). И вот эти самые «б?сь» и «л?сь» (через «ять») отражают предыдущее состояние соответствующей общевосточнославянской лексемы. И все остальное так же.

Иногда, с точки зрения неквалифицированного наблюдателя, это сходство между родственными словами совершенно неочевидно, потому что это ведь не сходство звуков в их нынешнем состоянии, это именно установленное соответствие, проверенное на многих и многих парах и цепочках слов, установленные правила перехода, условия перехода одних звуков в другие. Можно, например, легко показать что греческое слово, которое заимствовано в русский язык в форме *гипноз*, и русское слово *сон* — это этимологически тождественные слова. И вот этими вопросами, вопросами языкового родства, занимается специальная наука — сравнительное языкознание, она же лингвистическая компаративистика. А историей слов «внутри» языка занимаются историческая лексикология, историческая стилистика и другие лингвистические дисциплины.

Автор: Андрей Коняев © Lenta.Ru КУЛЬТУРА, РОССИЯ 👁 9728 08.04.2013, 00:23 📄 470
URL: <https://babr24.com/?ADE=113871> Bytes: 19284 / 18285 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Андрей Коняев**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)